

*ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
И ИСТОРИОГРАФИИ*
ISSUES OF METHODOLOGY, SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 1 (6). С. 227–234
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 343.81(47)(063)

**Политическая ссылка Восточной Сибири
в воспоминаниях Е. К. Брешковской
(по материалам ГАРФ). Часть 1**

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Данная статья – часть воспоминаний известной народницы, а затем социалистско-революционерки Е. К. Брешко-Брешковской, написанных ею уже в конце 1920-х гг. и ранее не опубликованных. Брешковская вспоминает свою ссылку в Восточную Сибирь в 1910–1917 гг. Подлинник рукописи хранится в ГАРФ.

Ключевые слова: политическая ссылка, Киренск, Якутск, Иркутск, этап, колонии ссыльных, связи с Россией.

Е. К. Брешко-Брешковская отбывала наказание сибирской ссылкой дважды – в 1878–1896 гг. (Кара, Баргузин, Верхнеудинская тюрьма, Селенгинск, Иркутск) и в 1910–1917 гг. Настоящий рассказ – достаточно цельное изложение событий, относящихся к ее второй сибирской ссылке, когда она, выданная в 1907 г. Евно Азефом, была арестована в Симбирске и после тюремного заключения сослана в уездный город Киренск Иркутской губернии, затем бежала, была поймана, отсидела длительный срок в Иркутской тюрьме, была выслана в Якутск, возвращена снова в Иркутск, а в 1916 г. отбывала наказание в Минусинске.

Если первая ссылка достаточно хорошо и подробно описана самой Брешковской, вспоминая о своей жизни еще «по горячим следам», а также Дж. Кеннаном, побывавшем у нее в Селенгинске, И. И. Поповым, Н. С. Тютчевым – соседями по Баргузину, и некоторыми другими, то события второй ссылки остались практически не известны. Об этом периоде Екатерина Константиновна вспоминала значительно сдержаннее, что можно объяснить конспиративными соображениями – как один из организаторов и лидеров социалистов-революционеров, знавшая много о стратегии и тактике движения, она не могла называть имена своих товарищей, рассказывать о связях партии с зарубежными центрами.

Возможность мемуарного осмысления последней ссылки появилась у Брешковской лишь в эмиграции. В 1919 г., после разгона самарского Комите-

та членов Учредительного собрания, «бабушка» уехала в Соединенные Штаты Америки, а с 1924 г. осела в Чехословакии. Благодаря политике Масарика, в этой стране нашли пристанище и поддержку многие российские интеллигенты – Бунин, Цветаева, Ремизов, Бальмонт, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Куприн, Шмелев, Аркадий Аверченко, Борис Зайцев... В Чехословакии Брешковская вела культурно-просветительную работу, открыла и содержала на свои средства мужской и женский бесплатные интернаты для русской эмигрантской молодежи, писала в газеты статьи о русской революции, публиковала свои воспоминания. Здесь и скончалась в 1934 г. в возрасте 90 лет и похоронена под Прагой.

Настоящий материал – две коленкоровые тетради, исписанные неровным уже старческим почерком Брешковской – хранится в ее личном фонде в ГАРФе. Это – часть большой мемуарной работы «бабушки», начатой ею, по всей видимости, уже в конце 1920-х гг. Время, прошедшее с момента описываемых событий, культура другой страны, да и собственный преклонный возраст – все это наложило свой отпечаток на воспоминания Брешко-Брешковской, заставило переосмыслить и некоторые собственные оценки. Она по-новому, например, описывает свое отношение к Первой мировой войне – разъясняла, мол, солдатам конвойной команды в Иркутской тюрьме, что нечего ждать от правительства благодарности к защитникам отечества, нужно самим брать за оружие и решать свои проблемы. По существу, Брешковская высказывает здесь позицию, близкую ленинской, требовавшему от солдат, как известно, повернуть штыки против «своего» правительства и осуществить «мировую революцию». На самом деле, Брешковская в годы войны всегда была ура-патриотом и требовала вести боевые действия до победного конца, наказать «германца в его логове».

Или рассказ о якутской колонии политических ссыльных. Брешковская совершенно правильно подметила «нужду» города в образованных, все знающих, все умеющих политиках. Без них здесь замрет всякая жизнь, и это, действительно, справедливо. Вместе с тем, описывая столь подробно колонию ссыльных, Брешковская идеализирует ее внутреннюю жизнь и ничего не пишет о сложной идейной борьбе партийных группировок, разногласиях по вопросам мира, войны, поддержки отдельных решений Государственной думы. Такие разногласия были, как были и примиренческие позиции у ссыльных большевиков, и объединенческие традиции у социал-демократов и социалистов-революционеров: сама суровая сибирская действительность требовала забыть на время распри и объединиться в поисках средств существования.

Мемуары Екатерины Константиновны – безыскусный рассказ женщины, всю свою жизнь отдавшей служению «простому народу» и так и не научившейся скрывать свои мысли или лукавить. Как здесь не вспомнить фразу В. М. Чернова из работы «Перед бурей»: «Брешковская никогда не была приспособлена к руководящей роли в центре большой политической организации. Тут ей было не по себе. Не теоретик, не стратег и не тактик была она, а

проповедник, апостол, убеждающий словом и, еще более, действенным примером».

Стиль изложения автора полностью сохранен, пропуски текста сделаны минимальные.

ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 10. Л. 17–42:

...В Киренск я прибыла в августе месяце 1910 г. Никого там у меня знакомых не было; старые ссыльные либо умерли, либо давно вернулись в Россию, а новые, что были посланы туда в 1905–07 гг. были много моложе меня и совсем не знакомы. Эта ссылка уже сильно различалась от той, с которой пришлось жить в Сибири в 70–80-х гг. – то была обреченная гвардия, отборные, идущие на смерть бесповоротно, люди, руководимые в жизни своей исключительно идеями высшего порядка, а потому сильные духом и непреклонные в своем шествии вперед и вперед. Зато на этот раз я увидела вокруг себя сотни и тысячи молодежи, захваченных революцией от самых низов народных. Рабочие, крестьяне, мастеровые, солдаты – составляли огромное большинство ссылки. Людей с образованием было совсем мало, а людей чистой идеи и того меньше. Широкая волна первой русской революции захватила в свои воды многое множество разнородных типов из всех слоев общественных...

Мало по малу я хорошо сжилась с окружающей средой, и друзей у меня среди ссыльной молодежи было немало. Потом, когда из разных углов тайги, изголодавшаяся и обносившаяся до последней степени стала наша ссыльная молодежь прибывать в Киренск, несмотря на строгий запрет появляться в город, она, бедная, многое претерпевала от желания повидаться со мной, побеседовать о делах своих...

Дело в том, что с первых уже часов моего приезда в Киренск, полиция должна была приставить ко мне для слежки двух стражников, обязанных видеть и слышать меня каждые два часа днем и ночью. Скоро показалось полиции, что двух человек недостаточно и им на помощь приставили еще двух: 12 ч. караула – одна пара, 12-ть – другая; они же сопровождали меня и на прогулку, и в баню, и куда бы я ни шла. Строго было запрещено пускать меня за город, окруженный со всех сторон водами Лены и Киренги; даже сесть в лодку не допускалось. Очевидно, по настоянию стражников, устававших за день, а м. б., вследствие распространяемых кем-то слухов о моем желании бежать, прибавили к 4-м стражникам еще 2-х. Таким образом, они устраивали себе 8-часовой рабочий день. Потом ночью перестали меня будить, но поставили будку у самого крыльца, опрашивая каждого проходящего ко мне, и стали требовать у них паспортов. Это повлекло за собой множество арестов и высылки из города. Посещения товарищей для меня всегда были сопряжены со страхом видеть их арестованными и лишенными заработка.

Было 2-3 дома добрых обывателей из бывших ссыльных, куда я изредка заходила, но т. к. все мои посещения сопровождалось конвойными, подсматривающими, подслушивающими у окон, то и эти посещения становились все реже и, в конце концов, я ограничивалась одними прогулками, всегда отвлекаемыми присутствием 2-х солдат с палками и револьверами. Страх перед

исправником заставлял их прилагать излишнее усердие в преследовании и меня, и моих посетителей и почти не проходило дня без неприятностей с их стороны...

Единственное удовольствие получалось в дни прихода почты: множество газет, книг, журналов, высланных из Америки. Обилие писем наполняло дни интересным занятием и вызывало непосредственные ответы в Россию и Америку.

Старые друзья, Г. Г. Лазарев, Н. В. Чайковский, С. А. Иванова-Борейша и многие, многие другие следили за моим благосостоянием из Москвы, Петербурга и др. городов, снабжая меня материалами и инструментами для устройства мастерских моим молодым товарищам. Из Америки присылали женскую одежду и деньги, постоянно спрашивая меня о том, что мне нужно, хорошо ли я живу? Я могла бы действительно очень хорошо устроиться со всевозможными удобствами, не будь я совсем одинока: сама о себе я никогда заботиться не умела, а жить со мной никому не дозволялось и приходилось существовать на студенческом положении, что совсем не способствовало восстановлению здоровья... Но все переносилось мною терпеливо, п. ч. в голове жила преобладающая мысль о побеге, все же остальное казалось преходящим, не заслуживающим серьезного внимания.

Я стала зондировать почву и скоро убедилась, что без помощи извне мне не справиться с освобождением собственными силами: нужны были и большие сравнительно средства, и надежные, верные люди. На месте я не могла найти ни того, ни другого; но года через полтора приехала посланница от товарищей Зоя Лункевич из-за границы и привезла требование со стороны некоторых товарищей ехать к ним за границу; обещаны были и деньги, и люди. Тут же она завербовала на дело моего побега молодых ссыльных супругов Владимировых, которые в самом Киренске должны были наладить исход моего путешествия. Они охотно взялись за это дело и в продолжение целого года старались организовать его как можно лучше с помощью других товарищей, так как в самом городе стало появляться все большее число ссыльных, внушавших к себе полное доверие и охотно бравшихся за дело моего освобождения.

Время тянулось медленно. Тревога за возложенную ответственность товарищей сильно меня беспокоила, а тягучее однообразие дней требовало большого терпения и выдержки... Такая тусклая жизнь нарушалась изредка появлением дорогих людей, ссылаемых в Якутскую область, то с запада, то с востока из страшных Нерчинских тюрем на поселение. Им удавалось вырваться от назойливого конвоя, назначить мне свидание в каком-либо нейтральном месте (ко мне в квартиру их бы не допустили) и перекинуться с ними откровенными, бодрыми словами, полными надежд и отваги... Прошел В. М. Зензинов, прошел Вадим Руднев; прошла незабвенная Л. П. Езерская, прекрасная женщина и мужественная гражданка... Много, много их проходило, кто в Якутск, кто обратно в Россию. И всех их я провожала и встречала с любовью, всех провожала с надеждой снова где-то увидеться!

Там же в Киренске довелось мне впервые познакомиться с личностью А. Ф. Керенского. Я хорошо знала его по газетам, следя за его думской деятельностью, но встретила впервые с ним здесь, когда он возвращался из Бодайбо, куда ездил защищать рабочих, переживших страшный расстрел, устроенный тамошней администрацией с помощью жандарма Трещенкова... А. Ф. Керенский и с ним несколько других молодых адвокатов зашли ко мне, когда я была в квартире Владимировых. Пароход остановился всего на два часа, и мы спешили перекинуться несколькими словами и говорили бы, вероятно, проще и откровеннее, если бы не было среди нас незнакомых людей. Меня очень тронуло внимание А. Ф. Керенского, – он знал меня только понаслышке, но уже и тогда готов был служить, чем может, и настаивал на том, чтобы я всегда обращалась к нему со своими нуждами. Свидание было короткое, но очень для меня лестное.

А слухи о приготовлении к побегу или незаметно проникали в окружающую среду, или же сочинялись полицией, и строгости по отношению ко мне все усиливались, жить становилось все тягостней и за себя, и за других.

Присланы были деньги из-за границы в достаточном количестве; для подготовки побега был выслан человек отважный и опытный для верховной его организации. Но Б. Н. Моисеенко был арестован в Иркутске, просидел в тюрьме несколько месяцев и был выслан в Якутск: ему приписали устройство террористического акта и к моему делу не пристегнули. Этим продолжали заниматься Владимировы при моем участии и уже было втянуто больше шести человек для исполнения различных функций сложного предприятия: одни должны были заняться разъединением телеграфных проводов в сторону Иркутска, другие должны были быть размещены на дороге. Несколько человек должны были заняться обстановкой моей квартиры после моего побега, и один человек – непосредственно сопровождать меня на почтовых. После долгих колебаний, расчетов и волнений назначен был день выезда, кажется 19 ноября 1913 г. Тов. Андреев, подходивший ростом и фигурой к моему сложению, оставался в моей квартире в качестве «больной» бабушки. Владимировы, муж и жена, к постоянному появлению которых у меня мои стражники вполне привыкли, занялись уходом за «больной», а я, остриженная наголо ради удобства и одетая в мужской костюм, вышла в сумерки под руку с кумом своим Петровым и уселась в кибитку, поджидавшую в узеньком, глухом переулке.

На козлах сидел товарищ, решивший сопровождать меня до Иркутска, другой товарищ сидел рядом в кибитке, чтобы проводить до первой почтовой станции. Выезд наш совершился незаметно и хотя по привычке я была на страже и беспокойна, – все обошлось благополучно. Зима не была такая холодная, как обыкновенно, дорога была сносная, лошади везде хорошие и мы могли бы свободно совершить 1000 в. до Иркутска в четверо суток, но мой провожатый не был достаточно энергичен, не умел управляться с ямщиками, а эти господа, видя, что провожающий все время дремлет, а больная старуха еле говорит (я ехала под видом больной – лечиться в Иркутск), везли нас вяло и на пятые сутки путешествия Иркутская полиция, успевшая получить извес-

тие посредством телеграфа через Якутск–Охотск, выехала мне навстречу в сопровождении большого эскорта и арестовала нас в 40 в. от города.

Не успел исправник и его помощник сделать первый обыск наших вещей (очень немногих), как вся дорога от этой станции до Иркутска покрылась различными войсковыми частями: тут были роты вооруженных солдат, отряды верховых казаков, тройки, наполненные полицейскими, конные стражники, много старост и разных сельских властей без конца. Мы двигались огромным поездом, а вокруг нас гарцевали всадники разных видов.

В такие неприятные для меня минуты я обыкновенно молчу и делаю вид, что не обращаю ни на кого и ни на что внимания. Раз сознаешь себя беспомощным, самое удобное, можно сказать, спасительное, это уйти в себя и жить ненастоящим, а будущим. Притом, я была достаточно уставшей, так как мы ехали безостановочно. С жандармами и полицейскими вообще я никогда не разговаривала. Привезли нас в Иркутск, в жандармское управление. Здесь опять произвели обыск, а затем я объявила, что хочу спать. Улеглась на кушетку и крепко заснула.

Никаких показаний потом я не давала, но написала родным и своим адвокатам довольно подробно, при каких условиях жилось мне и моим товарищам в Киренске, указывая на невыносимость такой жизни.

В тот же вечер меня отправили в новую одиночную тюрьму, где жалкий тюремный персонал принял меня с ужасом как самого страшного на свете зверя... Несмотря на то, что в тюрьмах и на поселении я тщательно избегала всяких столкновений с начальством и не устраивала никаких скандалов, администрация всегда видела во мне злую силу, одаренную способностью причинять ей всевозможные бедствия. И тут, на четвертом этаже каменного здания, заперев на несколько замков железную дверь моей крошечной камеры, тюремный инспектор не успокоился до тех пор, пока не положил печатей на дверь этой камеры. Я услышала запах сургуча и когда окончательно убедилась, что, действительно, это печатается моя дверь, на другой день посмеялась в глаза тюремному начальству. Это заставило их переменить сургуч на воск, но и эту операцию все-таки выдавал жир у дверей... Мучили они меня и тем, что всю ночь ярко освещали камеру электричеством, что не давало мне спать.

Опять приходило в голову, что сумеют они, наконец, припрятать меня далеко от Божьего мира, но тут же рядом строились новые планы на будущее: «Ведь жива. Значит, нечего над собой крест ставить». Притом и судить-то меня по настоящему было не за что: по закону это была лишь отлучка в той же губернии, что наказывалось месяцем ареста, к чему и приговорил меня Иркутский губернатор; но какими-то судьбами дело перешло к Иркутскому исправнику и этот постановил держать меня в тюрьме до мая месяца 1915 г., т. е. до этапа в Якутск, итого один год и 7 месяцев.

Надо сказать, что в это время в Иркутске жила М. И. Милашевская, жена прекрасного нашего товарища и деятеля А. Н. Милашевского. Этот, высокообразованный и обаятельный по характеру своему человек, отбывал в это время свою ссылку в Иркутске. Мы были старые друзья, и Милашевские, принимавшие горячее участие во всем, что меня касалось за время моей

ссылки в Киренске, стали оберегать меня и в Иркутске, и только благодаря заботам М. И. моя камера была полна вкусных яств и теплой одежды. Удалось и возобновить обширную переписку с Россией и Америкой; из последней посыпались книги, открытки, альбомы, картинки. Целые дни я была занята то чтением, то писанием, и только сильная ограниченность пространства – четыре шага в сторону и два в другую – утомляло и мешало здоровью. Гулять выпускали на несколько минут, и т. к. при этом меня часто посещала энфлюенца, – то месяцами приходилось сидеть без выхода. Зато добрый батюшка контрабандой присылал мне новые журналы и сообщения.

В 1914 г. объявили войну. Арестанты выпросили получение телеграмм, а мне разрешили купить карту Европы и Азии, и я ежедневно следила за действиями чужих и своих войск. Тюремный надзиратель и стражники из молодых то и дело подходили к моей камере и тайно просили объяснений и толкований относительно международных отношений... Пожар войны, охватывавшей все шире и шире государство за государством, не пугал меня. Я сознавала, что застой мыслей и действий во всех частях света, какой тогда переживался повсюду, требует могучего толчка извне, чтобы заставить народы всех стран взглянуть глубже на собственные судьбы свои и заставить все демократии дать себе ясный отчет в положении, какое они занимают среди политики мировых правительств и государств.

Открытой пропаганды в тюрьме я не вела, но при пояснении событий выдвигала возможности развернуть требования демократических масс тех прав, какие им естественно принадлежали, а в ответ всегда получала одни и те же слова: «Ну, уж теперь, когда солдаты вернутся с войны, земля перейдет народу; не может царь пролить столько крови, ничем не отблагодарив свой народ». Понятно, что приходилось разочаровывать в благодарности царя и указывать на необходимость действовать самостоятельно.

За все время этого заключения мне не приходилось сноситься ни с политическими, ни с уголовными арестантами, а только с тюремной стражей: уж очень меня изолировали.

Подходил май месяц 1915 г. М. И. Милашевская несказанно волновалась. Она писала во все стороны, требуя моего освобождения; она давала телеграммы в Петроград, доводя до сведения всех министров о несправедливом ко мне отношении и не давала покоя А. Ф. Керенскому, ярко выступавшему в Думе против правительства, требуя его непосредственного участия в моем деле. Она присылала ко мне врачей в тюрьму, и для лечения, и для получения свидетельств о болезни. Она поехала к ген.-губ. Князеву и, несмотря на все запреты жандармов, исторгла у него позволения повидаться со мной перед отъездом. Редкая мать могла бы сделать для своего ребенка так много, сколько сделала для меня Милашевская! Она не только сама уделяла и время и средства ради моего благополучия, но и втянула в эту заботу множество посторонних людей, никогда меня не знавших.

Political exile to Eastern Siberia in E. K. Breshkovskaya's Memoirs (on Materials of SARF). Part 1

A. A. Ivanov

Irkutsk state university, Irkutsk

The presented article forms part of E. K. Breshkovskaya's memoirs, notorious nationalist later social-revolutionist. Her essays were written at the end of 1920-s and had never been edited before. In her memoirs Breshkovskaya thought back her exile to the Eastern Siberia in 1910–1917-s. The original handwriting is held in the funds of the State Archive of Russian Federation (SARF).

Key words: political exile, Kirensk, Yakutsk, Irkutsk, stage, colonies of exiled people, relations with Russia.

Иванов Александр Александрович – Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: sovet@penpolit.ru